

педагогической деятельностью. За студентками был установлен полицейский надзор: начальство института обязано было представлять в жандармское управление списки слушательниц с их фотокарточками и указанием вероисповедания.

1914–1917 гг. были тревожными. Это было время подготовки и свершения революции...

С начала и особенно после Октября институтская жизнь заметно усложнилась. Проводить учебные занятия было очень трудно из-за холода в аудиториях. Некоторые преподаватели проводили свои занятия на дому. А, например, одна из наставниц института, Е. С. Султан-Шах, свою квартиру полностью превратила в учебные помещения.

С этого времени для многих началась новая жизнь в новой стране...

Примечания

1. Пресняков А. Е. Письма к матери. 1898–1899 гг. / Публ. Т. Н. Жуковской // Деятели русской науки XIX–XX вв. СПб., 2000. Вып. 2. С. 318.
2. ЦГИА. Ф. 918. Д. 5269. Л. 108 об.
3. Нечаев Н. Н., Князев Е. А. Типология высшего педагогического образования (исторический аспект) // Содержание, формы и методы обучения в высшей школе: Обзор информ. / НИИВШ. М., 1989. Вып. 3. С. 36.
4. В настоящее время — школа-гимназия № 85 Петроградского района Санкт-Петербурга.
5. ОР РНБ. Ф. 585 (Платонова). Оп. 1. Д. 2110. Л. 35.
6. Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. ЛФ С-16 (Семенова-Мейер). С. 5.
7. ОР РНБ. Ф. 585 (Платонова). Оп. 1. Д. 2111. Л. 4.
8. На заседаниях конференции обсуждались все вопросы, связанные с учебно-воспитательным процессом и внутренними делами института.
9. Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. ЛФ В-3 (Вайнерт-Влядик). С. 31.
10. Там же. С. 25.
11. Там же. С. 26.
12. Там же. С. 49–50.
13. Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. ЛФ С-43 (Садова). С. 4.
14. Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. ЛФ В-3 (Вайнерт-Влядик). С. 41–42.
15. Там же. С. 45.
16. Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. ЛФ В-4 (Варнина-Миллер). С. 34–36.
17. В музее истории РГПУ им. А. И. Герцена хранится второй номер журнала (репринтное издание рукописи; 1914 г.).
18. Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. ЛФ В-4 (Варнина-Миллер). С. 30.
19. Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. Архив Н. Гринковой. Журнал «Искание» (рук.). 1914. С. 26–27.
20. Музей истории РГПУ им. А. И. Герцена. В-4 (Варнина-Миллер). С. 16–17.
21. Там же. С. 17–20.
22. Там же. С. 4.

*И. В. Лихолетова,
главный хранитель музея истории университета*

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ — К ЗНАНИЯМ (о студентах 1920-х гг.)

Первое послереволюционное десятилетие. Сложные, противоречивые, смутные времена. В стране — голод, разруха. Новая власть — в стадии становления. Глубинные изменения затронули все стороны жизни народа. И образование, как один из краеугольных камней здания нового общества, также находилось в процессе трансформации. Страна остро нуждалась в подготовке квалифицированных кадров для вновь создаваемой единой трудовой школы, школ взрослых, ликбезов, дошкольных учреждений и т. д. В ответ на требования времени с 1918 по 1925 г. в Петрограде шел сложный процесс реорганизации высших педагогических заведений, который завершился созданием в 1925 г. объединенного Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена.

В те непростые годы в образовании менялось все: перекраивались учебные программы, обновлялся профессорско-преподавательский состав (хотя многие преподаватели дореволюционной высшей школы, к счастью, остались работать в советских вузах). Изменилось и само студенчество: преобладание в педагогическом образовании бывших гимназисток из дворянских, купеческих, зажиточных мещанских семей сменилось широким потоком юношей и девушек «из народа», и «классовая вражда», безусловно, слегка ощущалась в среде студенчества. Вот выдержка из «Записок русской

студентки 20-х гг.», хранящихся в архиве нашего музея, иллюстрирующая это явление: *«Много, много у нас лиц, оторванных от сохи и бороны — дети деревни. В платочках девушки, милостивые, простые, но с умными глазами. В противоположность им бегают, хихикают, лукаво поглядывают кисейные барышни. Почему-то, глядя на них, у меня так и хочет с языка сорваться определение “легкомысленные болонки”. По-моему, это так подходит к такому типу, хотя, быть может, и грубо. Не люблю я таких девиц...»*

Жилось в то время всем нелегко в новой стране. А студентам, особенно иногородним, — труднее вдвойне. Скверные условия в студенческих общежитиях, когда комнаты дышали сыростью (если вообще удавалось получить место), неудовлетворительное состояние столовых, трудности с учебными пособиями, дефицит самых элементарных вещей — мебели, лампочек, постельного белья, обуви, одежды — вот обычная картина жизни студента 20-х гг. При этом настоящий голод, когда не было даже хлеба, а в общежитии стояли очереди за кипятком. Но все эти невероятные трудности бытия не могли убить молодую энергию, неугасимую жажду знаний, стремление к новой, лучшей жизни. Вспоминает студентка-первокурсница: *«К тому, что у нас нет хлеба, мы как будто привыкли. Привыкли даже всего один раз в день есть. А есть решительно нечего — даже морковки нет. Эх, жизнь наша, жизнь горемычная! Учиться, во что бы то ни стало! Скверно еще: нет денег на учебные пособия, а так трудно. Книги из институтской библиотеки первокурсникам на дом не дают».*

А вот еще один пример жизненной стойкости и стремления к знаниям молодежи того поколения: *«Несмотря на все невзгоды, я, однако, очень довольна своим житьем. Ведь мы именно живем. Учимся и боремся с жизнью. Закаляем свою волю. Подчас, конечно, приходим в отчаяние, да оно, как тучка в летний день, проходит. И опять светит солнышко.*

Вот хотя бы сейчас: есть нечего, однако на завтра у нас целый план. Утром собираемся полукнуть и перетаскивать дрова. А вечером пойдём в Публичку заниматься. Что горевать, когда нечего кусать, не в этом же смысл жизни. Было бы духовной пищи побольше».

Студенты, являясь общественно-активным слоем общества, принимали посильное участие в жизни города. Студенческие комитеты, например, осуществляли народный контроль над распределением хлеба среди голодающих, дежурили в хлебопекарне, руководили питанием беспризорников, создавали для них столовые. А когда при педагогическом институте было организовано отделение СПОН (социально-правовой охраны несовершеннолетних), студенты-споновцы под руководством преподавателей активно включились в работу по борьбе с детской беспризорностью и преступностью. Они спускались в подвалы, шли на вокзалы, рынки, помогали помещать этих детей и подростков в приемники, детские дома, трудовые колонии (типа знаменитой «Республики ШКИД» В. Н. Сорока-Росинского, который преподавал в нашем институте).

Вместе с рабочими города студенты нашего института активно участвовали и в шефстве над деревней. В 1925 г. в ЛГПИ было создано общество Культсмычки, в которое вступило 615 студентов. Вплоть до 1928 г. работа в деревне шла по линии этого общества и носила, по преимуществу, культурно-просветительский характер. Активисты общества Культсмычки организовывали сбор литературы и направляли ее в подшефные районы, сами выезжали с концертами. Большую массово-пропагандистскую работу в деревне студенты проводили во время каникул и педпрактики. Они выступали с докладами среди крестьян, разъясняли политику партии, помогали создавать колхозы, налаживали работу изб-читален, вовлекали крестьянскую молодежь в комсомол, помогали выпускать стенгазеты и т. д. Отъезжающих на каникулы студентов, как правило, инструктировали по вопросам работы в деревне, обеспечивали их тезисами докладов и соответствующей литературой.

Помощь герценовцев деревне не ограничивалась общественной работой — коллектив института принял активное участие в общенародном походе за урожай 1929 г. По инициативе комсомольской организации в институте была проведена лотерея, сбор от которой был передан в фонд постройки трактора «Ленинградский комсомолец». «Даешь трактор имени Педвуза и через него прочную связь с деревней!» — под таким заголовком институтская газета «Педвузовец» поместила письмо комсомольского коллектива института, обращенное ко всем студентам и преподавателям.

Наряду с такой высокой общественно-политической активностью молодежи 20-х гг., когда набирала силу и становилась ведущей в вузах комсомольская организация, далеко не все студенты, даже из «пролетариев», не говоря уже о бывших дворянах, потомках купечества и зажиточных мещан, разделяли энтузиазм «строителей светлого будущего». Правда, вслух о таком старались не говорить, подобные настроения мы можем уловить лишь в личных, дневниковых записях, не предназначен-

шихся для чужих глаз: *«Насилие над личностью, подчинение общему принципу — ну и какая будет жизнь? Живи, как все, да если я так не могу и не хочу... Ну что со мной сделаешь? Не хочу я читать их утопии и коммунистические бредни, хочу заниматься чистой наукой, а не служанкой правительству»*. Хорошо, что этот дневник не попал в те годы «куда следует», незавидна была бы судьба его автора, студентки-первокурсницы. Но, вероятно, все же это не типичный пример, основная масса молодежи не оставалась аполитичной в то идеологически напряженное время.

Будущие учителя уже в институте начинали педагогическую деятельность: участвовали в ликвидации неграмотности среди населения. В октябре 1929 г. Политехнический институт и Институт Герцена заключили договор о социалистическом соревновании, по которому герценовцы взяли на себя обязательство полностью ликвидировать неграмотность в Охтинском подрайоне, а Политехнический институт обязался провести аналогичную работу в Лесном подрайоне Выборгского района. Более 900 студентов и преподавателей Института Герцена были активными участниками культпохода: 595 человек непосредственно занимались с неграмотными и малограмотными, а 335 человек вели культурно-просветительскую работу в ЖАКТах, Дом-просветах, клубах и на предприятиях Охты. С чувством глубокой благодарности отмечали рабочие Охты большую работу герценовцев. *«Тяжело учиться, очень тяжело, но учиться надо, — говорила в своем выступлении работница Боброва. — С работы придешь усталая и берешься за книгу. Знаю, что машине нужна грамотная работница»*.

В трудные полуголодные времена студенчество оказывало посильную помощь друг другу. Еще в 1918 г. было создано общество «Красный студент», которое помогало устраиваться молодежи на дополнительные работы, чтобы хоть как-то свести концы с концами (переносить вещи, сторожить склады, работать на огородах и т. д.). Большую помощь оказывал и студенческий профком, в деятельности которого большое место занимали вопросы быта студентов: была создана касса взаимопомощи, оказывавшая материальную поддержку нуждающимся, осуществлялся контроль над работой студенческой столовой, профком активно участвовал в распределении стипендий, руководил студсоветами общежитий, организовывал предприятия по обслуживанию студентов (пошивочная мастерская, парикмахерская и т. д.).

Нельзя не отметить неоценимый вклад, который внес в культурное воспитание молодежи студенческий клуб, созданный именно в 20-е гг. В 1922 г. он впервые гостеприимно распахнул двери, став местом досуга, творческого развития молодых. В клубе ЛГПИ показывали кинофильмы, устраивали танцевальные вечера, сопровождаемые джаз-оркестром. В буфете продавали как минеральную воду, так и пиво. Будет любопытным упомянуть о деньгах и ценах того времени. И вновь обратимся к воспоминаниям непосредственных участников событий — студентов: *«При входе в буфет красовалась записка о том, что стипендиаты могут пользоваться буфетом в кредит на счет стипендии. Предательски манила она к себе таких студентов — голь перекатную. Вмиг облетела она весь зал. Мы не утерпели — отправились с важным видом туда, где так вкусно пахло. Взяли в кредит каждая следующее: по бутерброду за 100 тысяч по 2 штуки, печений за 180 тысяч каждая и по конфетке за 40 тысяч. Все купленное мы с таким удовольствием употребили, что, кажется, никогда вкусней этих вещей не было»*. К слову, стипендия по тем деньгам составляла примерно 30 миллионов.

В клубе для молодежи были также: духовой оркестр, танцевальная школа, драматический коллектив, кружок стенографии, тир. В 1923 г. был создан хор, который выступал и в рабочих клубах. Проводились костюмированные балы-маскарады, праздники. В 1927 г. впервые на сцене клуба был инсценирован обряд русской деревенской свадьбы. В нем были представлены все виды народного творчества: песни, пляски, хороводы. В спектакле было занято более 100 человек. Материалы, связанные с постановкой, были затем переданы в этнографический музей и послужили образцом для многих аналогичных представлений. Холодно, голодно, но как же весело, задорно жили студенты!

Уже в 20-е гг. клуб стал местом встреч со знаменитыми писателями и артистами. В. А. Десницкий, бывший в то время проректором, вспоминал: *«Институт пользовался большим вниманием и дружкой выдающихся людей нашей страны. Например, А. М. Горький читал свои произведения, проводил беседы на литературные темы. Неоднократно звучал в стенах нашего института голос Ф. И. Шаляпина, прекрасного певца, который жил недалеко от института и часто заходил к нам»*. Дважды, в октябре 1929 г. и в марте 1930 г., в клубе с триумфом выступал В. В. Маяковский.

Правда, далеко не все студенты прониклись творчеством великого футуриста: *«Ну, что за поэзия? Загромождение какими-то грубыми, неуклюжими образами и метафорами. Вл. Маяковский,*

наверное, придерживается того, чего придерживались древние евреи, — “образ заменяет собой мысль”, — а потому-то в его стихах мысль надо искать днем с огнем и всяческими догадками», — вот мнение одной из студенток.

Студенческий профком заботился и о культурном досуге студентов: организовывал массовое распространение билетов в театры и кино. По данным профкома, каждый студент в среднем за учебный год 5–6 раз посещал ленинградские театры и 12 раз кино.

Но все же главным делом студентов, при таком многообразии общественной, политической и творческой жизни, была учеба. Это были не только обязательные к посещению занятия, но и активная вовлеченность молодых людей в научную деятельность, и на довольно серьезном уровне. В 1927 г. образовался институт «выдвиженцев» — лучших студентов, увлекающихся наукой, ведущих активную общественную работу. Например, на химическом факультете такие студенты обязательно занимались в кружке, где заслушивали научные доклады. Выпускали газету «Электрон», собрали специальную библиотеку по химии и совершали экскурсии на химические заводы. Дипломные работы приравнивались к научным исследованиям, темы были исключительно экспериментальными. В 1929 г. студенты выполняли дипломную работу по химии для завода «Красный выборжец», имевшую практическое применение в работе завода. После отмены дипломных работ лучшие студенты выполняли исследования вне учебного времени. Отличники отмечались приказом ректора по институту.

Вот так — порой трудно, но интересно и весело жили, учились, готовили себя к новой жизни первые поколения студентов-герценовцев, преодолевая временные трудности, надеясь на лучшее завтра. Тогда они еще не знали, что их вместе со всей страной ожидают тяжкие испытания и большие перемены.

*Е. О. Путилова,
профессор кафедры детской литературы*

ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА КАК ЦЕНТР КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ

Мысль о создании совершенно еще небывалой — показательной библиотеки впервые появилась у Ольги Иеронимовны Капица* в 1913 г., если судить по небольшой публикации в журнале «Новости детской литературы» (1913–1914 гг. № 1). Ядром для новой библиотеки стали три собрания: книги из Подвижного музея учебных пособий при Технологическом обществе, книги из фондов журнала «Что и как читать детям» и библиотека закрывшегося к 1918 г. Учительского союза. К 1919 г. можно уже было говорить об открытии показательной библиотеки: помещение, средства, всяческое содействие предоставил Педагогический институт дошкольного образования. К тому времени библиотека насчитывала 11 тысяч томов. Страницы архива О. И. Капица дают подробное описание фонда библиотеки, разнообразной по различным областям культуры и знаний, а также всех помещений (и книгохранилища, и читальни, и аудиторий для занятий со студентами), сведения о штатном расписании. Все это очень важно, но, конечно, еще важнее понять суть того, что подразумевала Ольга Иеронимовна Капица под самим понятием «показательная библиотека», какую цель она ставила, создавая эту библиотеку.

В отличие от чисто *практических* задач, стоящих перед любой, даже высококвалифицированной библиотекой (как то: подбор лучших книг для педагогической практики, помощь в подготовке студента по определенным областям знаний, создание библиографических указателей и т. д.). Показательная библиотека ставила перед собой гораздо более широкую задачу — *научное изучение детской литературы*. Выдвигая это положение, Капица дает теоретическое обоснование необходимости научно-организованной детской библиотеки.

Утверждая, что научное изучение детской литературы невозможно без специальной библиотеки, Капица обосновала роль библиотеки в этом процессе. Фонд библиотеки должен был открывать широкие возможности изучения не только самой детской литературы, но предполагал связать это изучение с работой над исследованием других отраслей знаний: психологии, фольклора, истории литературы, пе-

* Капица Ольга Иеронимовна (1866–1937) — видный исследователь детского фольклора и круга детского чтения, основатель кафедры детской литературы в Педагогическом институте им. А. И. Герцена, а также специальной показательной библиотеки детской литературы.